

Просвѣтители Сѣвернаго края В. Т. Зеленковъ
и священникъ о. А. Старковъ.

Къ дневнику В. Т. Зеленкова

(*Старообрядческая Мысль* за 1911 г. № 3, стр. 198—202)

Какая глубокая бездна тоски охватывает сердце послѣ подобнаго рода полемики... Неужели нельзя полемизировать иначе?... Неужели нельзя, опровергая мнѣнія противника, не лить на его голову помой и не пачкать его содержимымъ клозетовъ? Неужели нѣтъ возможности, полемизируя, облагораживать мысли и возвышать чувства противника? Неужели мы должны идти по стопамъ миссіонерства: вѣдь только оно способно на полемику подобнаго рода, но намъ-то надо же знать, что *на то оно и миссіонерство*... Вѣдь только ему свойственна полемика подобнаго рода.

Но насъ отъ этого упаси Боже.

Вѣдь въ той же, изъ которой мною приведены цитаты, грязной брошюрѣ, наполненной ядомъ возмущеннаго, уязвленнаго самолюбія, много сказано и весьма дѣльнаго, къ вопросу относящагося, но, къ сожалѣнію, тонущаго въ помояхъ, въ грязи, произведенныхъ злобною отрывкою одурманеннаго человѣка, тонущаго и тонущаго безвозвратно: читатель, возмущенный этой руганью до глубины души, не замѣтитъ уже дѣловой стороны брошюры. И, стало-быть, весь трудъ сочинительства пропалъ даромъ. А между тѣмъ онъ могъ бы принести весьма существенную пользу.

Господи, спаси насъ отъ такого рода „христіанской полемики“!

Н. Зенинъ.

Давно бы такъ!

(Письмо въ редакцію.)

Глубокоуважаемые Н. Д. и В. Е.! Я долго не приносилъ вамъ благодарности за ваши труды на благо старообрядчества, и не потому, что я не сочувствую, какъ нѣкоторые, печатному слову и огласкѣ темныхъ дѣлъ въ старообрядествѣ. Увѣряю васъ: всему этому я отъ души сочувствую. Вѣрю, что печатное слово необходимо; что оно можетъ искоренять неправду, зло и пороки общественной жизни. Глубоко вѣрю, что только черезъ посредство *свободнаго печатнаго слова можно установить правильное теченіе церковно-общественной жизни*. Я прекрасно понимаю: своеволие, безвѣріе, упадокъ всего добраго и совершенное разложеніе охватило новообрядчество болѣе всего потому, что долгое время у нихъ не было свободнаго слова, говорившаго о недостаткахъ и порокахъ въ церковной жизни. Все было шито и крыто. И вдругъ все расшилось и раскрылось! Я отлично сознаю, что все это: своеволие, безвѣріе и упадокъ всего добраго сильной волной надвигаются и на старообрядчество. Хорошо знаю я, что наша обязанность, въ особенности наша пастырская, вооружаться, бороться и дѣйствовать всѣми средствами противъ надвигающейся волны безвѣрія. Въ особенности словомъ печати. Зная все это, я глубоко цѣню ваши труды,

задачи и въ особенности вашу энергію. Отлично сознаю, чего стоило вамъ, чтобы возстановить *трудное и почти невозможное* дѣло упавшаго издательства.

Но я не приносилъ вамъ благодарности вотъ почему: *лицемѣрить и подхалимничать* я не люблю, а люблю говорить только откровенно, искренно и чистосердечно. Но искреннюю и чистосердечную приносить вамъ благодарность не позволяла мнѣ моя совѣсть по двумъ, и весьма важнымъ, причинамъ. Первая: вашъ журналъ, на первыхъ порахъ, мнѣ представлялся плодомъ или, точнѣе, сыномъ скончавшагося журнала „Старообрядцы“, который я признавалъ *чахоточнымъ и хулиганскимъ*. Будучи близокъ и насмотрѣвшись на тотъ журналъ, я просто боялся, думая, что и отъ вашего журнала будетъ такой же позоръ старообрядчеству, какъ и отъ того. Ибо мнѣ было хорошо извѣстно, какъ заправили бывшего журнала заботились *не о благѣ старообрядчества, а только о вымогательствѣ у добродушныхъ людей денегъ*. Деньги получались, а №№ не высылались. Напечатаютъ бывало какой-нибудь листокъ или только заглавіе статьи и ѣдутъ съ нимъ по Россіи за сборомъ: вотъ, молъ, что мы печатаемъ, да не хватаетъ средствъ. Помогайте намъ. Если не можете пожертвовать, то давайте *заимообразно* (все равно не отдадимъ.) Издали однажды рублевый календарь и разѣзжали по Россіи съ этимъ календаремъ, забывъ совершенно дѣло.

Статьи же хорошихъ людей, наприимѣръ владыки покойнаго Арсенія, не помѣщали.

По-моему, лучше бы такихъ журналовъ у насъ не было совсѣмъ. Такъ думать о вашемъ журналѣ у меня было полное основаніе, потому что онъ издавался *при ближайшемъ участіи бывшего издателя и вдохновителя того журнала*, который оставилъ печальную память о себѣ. Вторая причина—вашъ журналъ, хотя и не такъ, какъ журналъ „Церковь“, но все-таки, отчасти, страдалъ односторонностью, будучи въ порабощеніи у этого своевольнаго и властолюбиваго человѣка. Это-то порабощеніе и односторонность и удерживали меня искренно любить вашъ журналъ и благодарить васъ за него. Я любилъ его только отчасти. Отчасти же и благодарилъ васъ, и только въ своей душѣ.

А что вашъ журналъ дѣйствительно страдалъ отчасти односторонностью и былъ порабощенъ своевольнымъ человѣкомъ, доказать было легко, но, къ сожалѣнію, негдѣ было сказать этого: посылать въ вашу редакцію—я не имѣлъ надежды на напечатаніе, а о журналѣ „Церковь“ и думать было нечего. Обращаться въ редакціи, чуждые мнѣ по вѣрѣ, я считаю *унизительнымъ* и для себя и того болѣе для старообрядчества; да словамъ, сказаннымъ тамъ, и не было бы достаточной цѣны и вѣры. Въ виду этого я и оплакивалъ съ болью въ душѣ это печальное положеніе и терпѣливо ожидалъ лучшаго времени. Благодареніе Господу Богу: терпѣніе мое увѣнчалось успѣхомъ, теперь нѣтъ надобности мнѣ доказывать, когда вы сами

браснорѣчивѣе моего доказали это. Въ № 4 въ статьѣ „Что такое съ нимъ?“ вы пишете, что „владыка Иннокентій замучилъ васъ со своими статьями, требуя то печатать ихъ, то не печатать, потомъ опять печатать. Даже сбилъ съ толку редакцію“. А если бы не было порабощенія, то нечего бы и сбиваться редакціи съ толку: только стоило выкинуть его статью—и болѣе ничего! Наконецъ вы доказали, „что владыка требовалъ не помѣщать статьи другихъ, неугодныхъ ему авторовъ“, даже „требовалъ, чтобы статьи, касающіяся его епархіи, присылать ему на предварительную цензуру“. Все это мнѣ хорошо извѣстно еще раньше вашего сознанія; поэтому и приходилось мнѣ свои статьи писать и класть у себя на полку до поры до времени. Правда, вы попутно говорите, что „редакція не могла пойти на это“, т.-е. редакція не стала слушать надобливаго владыки. Но, спрашивается, давно ли это? Да только вчера! Давно бы такъ слѣдовало, а не вчера только. Но я имѣю твердое основаніе утверждать, что до этого 4 № редакція отчасти шла на требованія владыки. Напримѣръ, я написалъ статью „Новые вопросы церковной жизни“ противъ статьи „Наши общины и гражданская власть“ епископа Иннокентія (№ 3 за прошедшій годъ); въ ней я опровергаю епископское самовластіе и защищаю права мірянъ и выборное начало. Эта моя несчастная статья нѣсколько мѣсяцевъ лежала въ редакціи „Церковь“, потомъ взята и передана въ вашу редакцію и тутъ она кляла 4 мѣсяца. Возможно, что она даже попала въ предварительную цензуру къ владыкѣ Иннокентію.

Но теперь, какъ только я увидѣлъ, что вы стяхнули это порабощеніе, при первой же возможности спѣшу принести вамъ нелицемѣрную, искреннѣйшую и чистосердечную благодарность. Выше сказано, какъ я понимаю и цѣню свободное и не порабощенное слово печати. Посему, къ моему сожалѣнію, не нахожу словъ и даже думаю, что нѣтъ такой ни кисти, ни пера, которыми я могъ бы выразить вамъ свою душевную благодарность.

Итакъ, за всѣ ваши великіе труды благодарю, благодарю и буду благодарить, если только вы будете держать журналъ въ такомъ направленіи, въ какомъ онъ теперь, не увлекаясь ни своими личными интересами и самолюбіемъ, ни дружбою—паче правды, ни лицепріятностію, если онъ будетъ правду защищать, а неправду изобличать, отъ кого бы она ни исходила. Тогда вашъ журналъ будетъ существовать, преуспѣвать и развиваться, принося огромную пользу, улучшая церковно-общественную старообрядческую жизнь. Онъ можетъ стать даже извѣстнымъ въ исторіи старообрядчества, потому что вполне соответствуетъ обстоятельствамъ и духу настоящаго времени и созданъ для благоустройства общества и устраненія нѣкоторыхъ недостатковъ въ нашей церковно-общественной жизни.

Есть надежда, что журналъ вашъ скоро долженъ будетъ преобразоваться изъ ежемѣсячнаго въ еженедѣльный. Мнѣ думается, не только у

меня, но и у многихъ, интересующихся церковно-общественными дѣлами, не хватаетъ терпѣнія ждать цѣлый мѣсяць выхода только одного №.

На вашъ вопросъ „Что такое съ нимъ?“ Скажу: съ нимъ то, что можетъ легко и просто случиться со всякимъ смертнымъ. Вы очень прекрасно обрисовали его властолюбіе и самовластіе. Вы же говорите, что „онъ былъ высоко чтимъ всѣми“, т.-е. почитаемъ и уважаемъ. Если принять во вниманіе слова пророка, что „человѣкъ въ чести сый не разумѣ“, то и не будетъ ничего удивительнаго, что съ нимъ творится „что-то неладное“. Ибо подъ вліяніемъ недуга властолюбія и самовластія, притомъ при помощи близкихъ и весьма сильныхъ друзей, можетъ человѣкъ даже незамѣтнымъ образомъ дойти и еще болѣе до „неладнаго“. Это просто и естественно.

Конечно, трудно, да пожалуй и невозможно было бы дойти ему до этого „неладнаго“, если бы не способствовали ему друзья его своимъ покровительствомъ и потаковничествомъ. Если желаете знать, кто такіе эти друзья, способствующіе ему въ этомъ, я скажу: во-первыхъ, архіепископъ Іоаннъ и даже, пожалуй, всѣ епископы; во-вторыхъ, Нижегородскій епархіальный съѣздъ 1909 года, а въ третьихъ, и самые главные, это всѣ вы, журналисты.

Итакъ, насколько вы теперь удивляетесь на епископа Иннокентія, настолько же и даже болѣе удивлялся я на васъ.

Онъ увлекся хотя своимъ самолюбіемъ и властолюбіемъ, что свойственно человѣку, но вы-то чѣмъ увлеклись, потаковничая ему? Только дружбой—паче правды? Неужели вы не понимали самаго простого, что своимъ потаковничествомъ вы наносите человѣку сильный вредъ и даже, скажу прямо, губите его? Это я понимаю въ томъ смыслѣ, что вы, журналисты обоихъ журналовъ, до марта мѣсяца сего года не проронили ни одной черточки объ его властолюбіи и не сказали ни одного словечка въ печати, что-де вы, владыко, пошли не тѣмъ путемъ. Наконецъ, вдругъ оба журнала ополчились на него, и его обвиняете: 1) „въ попыткѣ подмѣнить истинную сущность епископскаго служенія церкви всевластіемъ“, 2) что „епископъ Иннокентій идетъ въ своихъ требованіяхъ дальше (папистическаго) собора“, 3) „въ нарушеніи церковныхъ правилъ“, 4) „въ уничтоженіи всякой приходской самодѣятельности“, 5) „въ низведеніи великаго сана священническаго въ какое то приказчиье служеніе“, 6) „въ посягательствѣ на права мірянъ“, 7) „въ застарѣлыхъ болѣзняхъ“, 8) „въ заблужденіи отъ вѣры“, 9) „въ противорѣчіяхъ самому себѣ“ (№ 11 „Церковь“), 10) „во властолюбіи“, 11) „въ самовластіи“, 12) „въ попраніи народныхъ правъ“, 13) „въ стремленіи убить выборное начало“ („Стар. Мысль“, статья—„Что такое съ нимъ“). Вѣдь всѣ эти указанная за нимъ вины, или иначе сказать—болѣзни, существуютъ въ немъ не только съ марта мѣсяца сего года, но уже цѣлые годы. Всѣмъ извѣстно его „заявленіе“ въ совѣтъ Нижегородской общины, еще въ 1907 году, въ которомъ онъ настойчиво требовалъ, чтобы его зарегистрировали въ губернскомъ правленіи съ такимъ

правомъ: „епископъ Иннокентій имѣеть право и власть надъ всѣми священниками Нижегородской губерніи; имѣеть право переводить ихъ изъ общины въ общину и увольнять отъ *священнической должности на время или навсегда*“. Развѣ это не папизмъ и не самовластіе? Развѣ это не властолюбіе, не посягательство, не попраніе народныхъ правъ? Развѣ не низведеніе великаго сана священническаго въ рабское и приказчиье служеніе? Развѣ не нарушеніе святособорныхъ правилъ—единолично увольнять священниковъ *отъ священнической должности навсегда*? Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что епископъ Иннокентій давно уже на дѣлѣ проводить это въ церковную жизнь. И вы, всѣ его покровители, по сіе время замалчивали правду и давали разрастаться неправдѣ. Значить, давали развиваться въ немъ болѣзнямъ. Надѣясь на ваше покровительство, онъ и сталъ покушаться на все: на права священниковъ и мірянъ, на выборное начало, на права всероссійскихъ съѣздовъ и даже на соборъ. Онъ самъ свидѣтельствуесть, что изъ-за него не приглашены были міряне на соборъ. И вы, журналисты, всему этому покровительствовали, его статьи помѣщали, а противъ него не печатали. Значить вы, увлекаясь неблагоразумно дружбой паче правды, сдѣлали ему, какъ говорится, медвѣжьёю услугу. Не пожалѣли его, не постарались своевременно, излегка и понемножку лѣчить отъ болѣзней, т.-е. не заботились въ началѣ заболѣванія раскрывать и промывать язвы болѣзни, но старались закрывать ихъ, чтобы болѣе и болѣе онъ разгнивали, а теперь обвиняете его въ застарѣлыхъ болѣзняхъ и удивляетесь: „что такое съ нимъ?“ Вы сказали правду, „что епископъ Иннокентій въ борьбѣ съ Сироткинымъ оба встали на не церковную точку пониманія“. Поэтому я и говорю вамъ: „Давно бы слѣдовало такъ говорить!“ Вы, господа журналисты, забываете свои обѣщанія. Мы читали въ „обращеніи“ журнала „Церковь“: „печать разоблачаетъ зло, предупреждаетъ преступленія, искореняетъ людскіе пороки“. Оказывается, это только обѣщанія на бумагѣ, а не на дѣлѣ. Впрочемъ, на обѣщанія журнала „Церковь“ мало и надѣялись, но на васъ-то, дорогой Н. Д., возлагали надежды большія, когда читали вашу статью „По-христіански“, гдѣ вы рѣзко укоряете журналъ „Церковь“ въ замалчиваніи недостатковъ нашей церковно-общественной жизни, чѣмъ она даетъ поводъ неправдѣ разрастаться и даже сама встала въ ряды душителей свободной мысли. Но оказывается, и вы немножко повинны въ этомъ грѣшкѣ замалчиванія, также давали разрастаться неправдѣ. Но я готовъ васъ понять и вѣрю, что это съ вами случилось только благодаря случайности, т.-е. дружбы паче правды, и почтенія не къ человѣку, но къ высокому сану. И зная вашу справедливую ревность, твердость и самостоятельность вашего характера, я увѣренъ, что болѣе вы этого себѣ не позволите. Я знаю, что это совершенно не свойственно вашему характеру.

Вполнѣ раздѣляя ваше стремленіе не допускать разрастаться неправдѣ и бороться печатнымъ словомъ за улучшеніе церковно-общественной

жизни, я прибавлю, что улучшение это требуется не только *въ ногахъ и рукахъ, но главное—въ голову и въ сердце*, поэтому считаю своевременнымъ и весьма кстати повѣдать вамъ нижеслѣдующее.

Будучи ближе всѣхъ къ епископу Иннокентію, о которомъ вы въ своей статьѣ не могли даже установить точнаго понятія, къ прискорбію моему, я всѣхъ скорѣе увидалъ перемѣну, недостатки и непорядки за любимымъ мною владыкой. Судьба забросила тогда меня въ Рязанскую губернію. Пріѣзжая иногда побывать въ Нижній, слышу и самъ вижу, что у владыки доброе умалывается, а недоброе умножается. Это сталъ замѣчать и не одинъ я. Наконецъ случилось то, что Д. В. Сироткинъ и владыка Арсеній просятъ меня переѣхать снова въ Нижній и такъ или иначе повліять на владыку: пріостановить его отъ соблазнительныхъ и не свойственныхъ его сану поступковъ и затѣй. Я прекрасно понималъ (а теперь понимаете и вы), что тутъ предстоитъ непосильная борьба, но по горячей ревности къ благу церкви рѣшаюсь пожертвовать собой. Оставляю и до глубины души огорчаю любимую и любившую меня новопріобрѣтенную паству, говоря, что ѣду не на покой, а на большее безпокойство и борьбу (чему свидѣтель *Θ. И. Масленниковъ*).

Пріѣхалъ. Живу въ одномъ домѣ съ владыкой. Принимаю всякія мѣры къ улучшенію порядковъ и пріостановкѣ соблазнительныхъ затѣй. Ничто не вліяетъ! Говорю лично—не дѣйствуетъ. Беру съ собой „единаго“ (владыку Арсенія), обличаю при немъ: бесполезно! Только большее озлобленіе. Завязывается полемика. Пишетъ мнѣ неприятное письмо, отвѣчаю откровенно и рѣзко, ставлю на видъ непорядки и недостатки; въ заключеніе прошу оставить поступки и затѣи, не свойственные великому сану, и заботиться только о врученной Богомъ паствѣ и епископствовать, какъ и первые 3 года. На это ничего не отписываетъ, а объявляетъ мнѣ запрещеніе служить въ Нижнемъ-Новгородѣ и предписываетъ: „сейчасъ же очистить мою квартиру“. Отвѣчаю, что хозяева квартирантамъ и дворникамъ—и то даютъ срокъ, а я не квартирантъ и не дворникъ и, притомъ, вашей квартиры не занимаю, а занимаю свою, отведенную мнѣ хозяиномъ квартиры и храма; притомъ увѣщаваю владыку и ставлю ему на видъ, что онъ ошибается, не къ дѣлу употребляетъ власть.

И на это ничего не отписываетъ. Ѣдетъ въ Москву. Я предугадываю, что будетъ жаловаться архіепископу. Въ томъ же поѣздѣ ѣду и я, надѣясь, что архіепископъ будетъ опрашивать меня и умиротворять вражду. Но ошибаюсь: несмотря на то, что я нахожусь въ квартирѣ архіепископа, меня не опрашиваютъ, не умиротворяютъ, но черезъ людей получаю пакетъ: „за то, что ослушиваешься епископа, не уѣзжаешь съ его квартиры, запрещаю тебя отъ всякаго священнодѣйствія“. Думаю: вотъ такъ „по-архипастырски!“ Черезъ недѣлю выдаютъ прощеніе и разрѣшеніе. Живу попрежнему. Слышу отъ людей, что Д. В. Сироткину прислано владыкой письмо: если не выгонишь изъ Нижняго о. А., то я въ Нижній не пріѣду, а о. А. опять

запретимъ“. Мнѣ стало понятно, что прощеніе было безъ христіанскаго миролюбія и безъ архипастырскаго смиренномудрія. Не дожидаясь пріѣзда Д. В. Сироткина изъ Петербурга,—уѣзжаю домой и занимаюсь постройкой храма на родинѣ...

Слышу, что у архіепископа просятъ меня харьковцы, и архіепископъ не противъ, если я соглашусь. Но въ дѣло вникаетъ владыка Иннокентій съ архипастырскимъ смиреніемъ: если харьковцы моего брата не принимаютъ, то Старкова я имъ не отпущу. Хотя это для меня было ничто, потому что я лично заявилъ С. Д. Шишлову, что я на постоянное жительство никуда не соглашусь, развѣ только временно. Но все-таки смотрѣть на такое архипастырское смиреніе, по меньшей мѣрѣ, было непріятно и тяжело.

Слышу, что Петроградская община желаетъ имѣть у себя начетчика-пастыря. Ёду, заявляю членамъ совѣта, что желаю поступить въ качествѣ начетчика: есть усердіе потрудиться, поѣздить между столицъ по безпоповскимъ населеніямъ. Совѣтъ съ радостью принимаетъ мое предложеніе и оплачиваетъ мнѣ дорогу, говоря, что по пріѣздѣ владыки Кирилла посоветуемся и васъ увѣдомимъ, какъ будетъ рѣшено. Узнавши это, владыка Иннокентій съ присущимъ ему архипастырскимъ смиреніемъ ѣдетъ въ Петербургъ и запрещаетъ петербуржцамъ меня принимать. Значитъ, я неподходящъ, а подходящъ туда Волощукъ. Вѣдь Волощукъ, это—его собственные плоды! И въ скоромъ времени принимается въ Петербургъ на Охту Волощукъ. Для меня хотя и это ничто, но все же непріятно.

Вижу, въ епархіи неурядки и недостатки умножаются. Пишу докладъ епархіальному съѣзду. Указываю важные недостатки епархіальнаго правленія и злоупотребленія со стороны владыки и подтверждаю свои показанія письменными фактами за подписомъ самого владыки. Ставлю на видъ, что постройка архіереемъ монастырей *есть чухотка для епархіи*. Привожу соборное правило (7 двукратнаго собора), строго воспрещающее архіереямъ строить монастыри. Наконецъ, указываю неопровержимый фактъ, что пріѣзжала въ нашу епархію благотворительница съ крупнымъ пожертвованіемъ на бѣдные храмы. Но, вѣроятно, по совѣту владыки, это крупное пожертвованіе попало не въ бѣдные храмы, а въ архіерейскій монастырь и въ богатые храмы, гдѣ лежатъ свои капиталы. По прочтеніи доклада члены съѣзда, ово ради дружбы паче правды, ово „ради страха іудейска“, заявляютъ: твой докладъ признаемъ несправедливымъ, просимъ тебя ради мира церковнаго примириться съ владыкой и проститься.

Думаю себѣ: я свое дѣло сдѣлалъ, правду сказалъ; не принимаютъ, не моя вина, а примириться и проститься ради мира церковнаго есть дѣло христіанское. Прощеніе и примиреніе состоялось. Но послѣ тѣ же лица говорятъ: „Знаемъ, что о. А. написалъ правду...“ Для меня и это отрадно.

Постройку храма закончили. Осветили (№ 4 „Церковь“ за прошедшій годъ). Сталъ я свободенъ. Могу куда-либо и съѣздить. Получаю письменное

„предупрежденіе:“ „безъ моего письменнаго благословенія не смѣть никуда поѣхать, ни для службы, ни для бѣсѣды“.

Бросаю это не благоразумное, дышащее злобой предупрежденіе, нарочито ѣду въ гости въ Рязань, а изъ Рязани въ Москву. Являюсь къ епископу рязанскому Александру, объясняюсь, что былъ въ гостяхъ въ его епархіи. Владыка спрашиваетъ, улыбаясь: „а съ вѣдома ли своего епископа?“ Отвѣчаю: нѣтъ. А я получилъ отъ него „предупрежденіе“,—говоритъ владыка, „что о. Старковъ безъ моего вѣдома уѣхалъ въ вашу епархію“. Я подумалъ,—добавляетъ владыка, „что такое съ нимъ?“ „Развѣ не сталъ ли о. А., по случаю непріятностей, пьянствовать, или не проявляетъ ли наклонности къ раздорникамъ?“ Увѣряю владыку, что ничего такого за мной нѣтъ. И невольно напрашивались вѣрныя и мѣткія ваши слова: „Что такое съ нимъ?“ Разныхъ пройдохъ: Сусалевыхъ, Сторожевыхъ и Волощукъ, своихъ „выводковъ“, готовъ, если бы только было возможно, посадить на Рогожское кладбище, а меня готовъ съ лица земли стереть. Не говори правду, не теряй дружбу!

Архіепископъ предлагаетъ пожить въ Чулковѣ. Думаю: самый удобный случай освободиться изъ-подъ папскаго гнета и отъ разныхъ „предупрежденій“. Все сдѣлается безъ меня. Такъ и вышло.

Живу въ Чулковѣ. И снова слышу непріятную новость: созывается соборъ безъ участія мірянъ. ѣду удостовѣриться къ епископу рязанскому Александру, какъ къ человѣку, относившемуся ко мнѣ всегда по-христіански и близко находящемуся къ архіепископу. Между прочими разговорами спрашиваю: „Правда ли, будто соборъ созывается безъ участія мірянъ?“ „Я и самъ не зналъ, объясняетъ владыка. Я былъ въ отлучкѣ и проѣздомъ въ Самарѣ видѣлъ „приглашеніе“: „чтобы каждый епископъ взялъ одного *благоразумнаго священника*“. Ранѣе объ этомъ у насъ со владыкой Іоанномъ совѣта не было“. Я воздалъ благодареніе Богу, что владыка Александръ въ этомъ нехорошемъ дѣлѣ не замѣшанъ. Потомъ слышу, что противъ участія мірянъ не одинъ архіепископъ, но и епископъ Иннокентій. Думаю: не онъ ли повліялъ на архіепископа? Предположеніе оказалось вѣрнымъ.

Братства Петроградское и Московское волнуются, пишутъ объ этомъ доклады на соборъ. Знаю, что эти доклады ничего не создадутъ: ни плохого, ни хорошаго, ихъ могутъ даже и не прочитать на соборѣ. Потомъ оно такъ и случилось.

Думаю: соборы у насъ и такъ еще не усовершенствованы, а тутъ и остатки калѣчатъ! Что же дѣлать? Что писать? Явилась тема готовая и причина къ тому: написать не докладъ, который могутъ оставить не читаннымъ, а прошеніе на епископа Иннокентія и въ немъ приводить свидѣтельства изъ его же сочиненій. Пишу въ рѣзкой, но справедливой и сильной формѣ. Въ основаніе ставлю незаконное, мстительное изгнаніе на одномъ году изъ одного прихода двухъ священниковъ безъ уважитель-

ныхъ къ тому причинъ и вопреки желанія прихожанъ. Ставлю на видъ его ученіе, что „*епископъ имѣетъ право увольнять священниковъ отъ священнической должности навсегда*“. Называю это ученіе „новшествомъ въ родѣ папизма“. Привожу рядъ святоотеческихъ и апостольскихъ свидѣтельствъ и добавляю изъ сочиненій самого епископа Иннокентія, что устранять мірянъ (самую церковь) отъ управленія церковнаго, какъ приходскаго, такъ и соборнаго, незаконно: этимъ умерщвляется тѣло церкви и дѣлается трупомъ. Хорошо ли епископу быть главою мертваго трупа? Затѣмъ привожу еще прежнее ученіе самого епископа Иннокентія, изобличающее его теперешнее новое пониманіе. Далѣе привожу рядъ соборныхъ правилъ, что *епископъ не имѣетъ права единолично уволить священника отъ священнической должности навсегда, даже не имѣетъ права увольнять единолично клириковъ низшихъ діакона* (Толкованіе Вальсамона на 51 прав. Василія Велик.). Доказываю, что если какой епископъ незаконно, въ видѣ мщенія, накажетъ клирика, то самъ онъ подлежитъ тому же наказанію, „долженъ понести законно то, что сдѣлалъ незаконно“. Наконецъ, сопоставляю мстительный поступокъ епископа Иннокентія по отношенію ко мнѣ въ полной точности съ такимъ же мстительнымъ поступкомъ Никона по отношенію къ протопопу Логгину.

Чувствую, что написано законно и сильно, вмѣстѣ съ тѣмъ крайне рѣзко. Что дѣлать? Подавать или нѣтъ? Думаю: затронетъ не одного Иннокентія, а, пожалуй, многихъ, а вѣдь правда глаза колетъ: очень просто—озлобятся и накажутъ. Хожу по комнатамъ, разсуждаю: и сказать правду—охота беретъ, и страхъ въ глаза лѣзетъ... Въ эту минуту разстройства мыслей срываю съ „численника“ листокъ и на оборотѣ читаю: „У страха глаза велики, въ особенности, кто труситъ“. Думаю: вотъ такъ отгадка! Да если и накажутъ, за правду потерпѣть не грѣхъ. Быть по сему! Подписываю и подаю...

Читается мое „прошеніе“, и между прочимъ въ немъ говорится: „Правило заповѣдуетъ архіереямъ не господствовать надъ своими клириками, т.-е. не пользоваться ими, какъ рабами или слугами“. Архіереи, улыбаясь, переглядываются и шепчутся. Сужденіе... Если разсматривать по существу, то неизбѣжно надо судить и наказывать епископа Иннокентія, а какъ его накажешь? Онъ основательно заявилъ: „не одинъ я виновенъ, его (т.-е. меня) запретилъ архіепископъ, если наказывать меня (Иннокентія), то наказывать и архіепископа“. Поэтому самое лучшее—признать цѣликомъ прошеніе незаконнымъ, грубымъ, рѣзкимъ, оскорбительнымъ и наказать самого Старкова. Секретарь заявляетъ: „Онъ оскорбилъ не одного епископа, а всѣхъ, я предлагаю лишить его сана“. Нѣкоторые члены собора въ страхѣ: „А за что же?!“ Одинъ изъ епископовъ: „Какой же будетъ нашъ соборъ, если не будемъ наказывать таковыхъ?“ Секретарь: „Я настаиваю на лишеніи сана“. Секретарю не сочувствуютъ. Никто не поддерживаетъ.

Выслушиваю резолюцію: „Освященный соборъ призналъ тебя винов-

нымъ въ оскорбленіи не одного епископа Иннокентія, но всего епископскаго сана вообще (чувствую: волосы зашевелились, а по тѣлу мурашки поползли); но соборъ желаетъ, чтобы ты принесъ раскаяніе, добавилъ предсѣдатель. Кланяюсь, прошу снисхожденія. Нужно письменное, говорятъ. Подаю письменное раскаяніе, прошу снисхожденія. Опять сужденіе, опять я удаленъ. Но слышу-таки громкій голосъ того же секретаря: я настаиваю лишить сана. Видимо, это настаиваніе не принимается и надоѣло. Черезъ нѣсколько минутъ слышится тотъ же голосъ: если не лишить сана, то потребовать отъ него подписку, чтобы онъ болѣе ничего не говорилъ и не писалъ, а то онъ опять будетъ писать (правду *). Думаю: связать языкъ, чтобы не говорить правду, не придется, пусть лишатъ сана, а подписку не дамъ.

Выслушиваю резолюцію: на 6 недѣль запрещеніе. Кланяюсь и прошу: мало этого, владыки святыя, нельзя ли надольше? Нѣтъ, надольше нельзя! Другіе говорятъ: и это напрасно.—„Спаси Христосъ за смиреніе и покорность“, говорятъ еще. Опять кланяюсь до земли, прошу запретить надольше. Слышу голосъ сквозь слезы одного священника: „Да будетъ, о. Алексѣй, и этого. Вставай!“ Встаю и опять прошу прибавить. Нѣтъ, такъ и не уважили, не прибавили.

Черезъ нѣсколько дней получаю № 36 „Церкви“. Читаю и глазамъ не вѣрю: напечатано два соборныхъ постановленія по моему дѣлу, а мнѣ не было объявлено ни одного. Одно якобы на основаніи четырехъ правилъ и толкованій Зонары и другое якобы на основаніи одного 8 правила 4 собора. Не вѣрится. Повторяю. И опять выходитъ такъ же. Смотрю указанные правила и толкованія: ни одного къ дѣлу идущаго! Ни съ котораго боку не подходятъ! Удивляюсь, смотрю на № журнала: да „Церковь“ ли это, думаю? Да, „Церковь“, отвѣчаю самъ себѣ. Пишу прошеніе архіепископу о выдачѣ мнѣ копій соборнаго постановленія по моему дѣлу. По копіи оказалось, что существуетъ одно постановленіе, на основаніи одного 8 прав. 4 собора. Пишу второе прошеніе: выдать мнѣ полную копію, какъ напечатано въ журналѣ „Церковь“. Архіепископъ гнѣвно: болѣе у насъ ничего нѣтъ! А что напечатано въ журналѣ, мы за то не отвѣчаемъ. Пишу письмо въ редакцію. Разоблачаю подлогъ и прошу помѣстить въ ближайшемъ №. Потомъ пишу заявленіе архіепископу, разбираю подробно неосновательность соборнаго постановленія; раздѣляю его на двѣ части: одну часть, „что „прошеніе“ мое написано грубо и рѣзко, признаю справедливой; но другую часть, что мной когда-то якобы нарушались правила, не признаю справедливой. Копію съ заявленія посылаю въ ту же редакцію для печати. Получаю №№, смотрю, нѣтъ моихъ ни письма, ни заявленія.

*) Странно, что секретарь собора, простой діаконъ, имѣетъ на соборѣ роль не секретаря, а судіи, равнаго, если не большаго, самихъ епископовъ, по крайней мѣрѣ судя по этому разсказу о. А. Старкова.

Терпѣніе! Проходятъ недѣли за недѣлями, но мои письма не помѣщаются, проходятъ мѣсяцы за мѣсяцами, а моимъ письмамъ мѣста нѣтъ! И такъ, терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе безъ границъ. Наконецъ слышу отъ людей, что въ № 52 помѣщено мое письмо съ какимъ-то объясненіемъ (а мнѣ на грѣхъ и № этотъ не послали). Посылаю за 25 верстъ за №. Читаю неосновательное „объясненіе“. Еще новость! Другая ложь, да еще и не одна! Пишу второе письмо въ редакцію, доказываю ясно и опредѣленно неосновательность и подложность „объясненія“ не подписавшагося корреспондента, хотя мнѣ извѣстно, что скрывшій свою фамилію корреспондентъ есть тотъ самый, который настаивалъ лишить меня сана или взять подписку, чтобы я не писалъ и ничего не говорилъ. Вѣроятно, онъ тогда же чувствовалъ, что его недобросовѣстный подлогъ со временемъ будетъ разоблаченъ. Прошу редакцію второе письмо помѣстить въ ближайшемъ №. И вотъ это второе письмо помѣщается уже 7 мѣсяцевъ, а „заявленіе“ архіепископу печатается уже 8 мѣсяцевъ.

Скажу вамъ откровенно, дорогой Н. Д., что не такъ было тяжело и горько терпѣть незаконное запрещеніе, какъ тяжело и горько смотрѣть и терпѣть, что редакція обѣщала служить правдѣ печатнымъ словомъ, „изобличать зло и пороки“, а на дѣлѣ, наоборотъ, *ложь и подлоги печатаютъ, а правду замалчиваютъ*. Представьте себѣ, не прискорбно ли смотрѣть: *правда попирается, а подлоги и ложь на мѣсто правды поставляютъ*. Хотя я и твердо вѣрю, что *„неправда солжетъ себѣ“*, но вѣдь надо ждать, когда это пророчество исполнится, а каково ждать, когда конца терпѣнію не видать. Признаюсь, бывали такія минуты, что терпѣніе готово было лопнуть, и являлась мысль печатать возраженія въ миссіонерскихъ журналахъ, но Господь сохранилъ, ибо печатать въ органахъ, чуждыхъ мнѣ по вѣрѣ, считаю униженіемъ какъ для себя, такъ и для васъ, журналистовъ, и для дорогого мнѣ старообрядчества. Но благодареніе Господу Богу за все: теперь вижу, что настаетъ конецъ моему терпѣнію, когда оба журнала пошли по моимъ слѣдамъ и стали разоблачать понемножку то, что ранѣе прикрывали ради дружбы. Теперь я могу свободно вздохнуть и сказать слова апостола: „Терпѣніе не посрамить“.

Думаю, что все это вы слышали, но только, вѣроятно, въ извращенномъ видѣ, и считали меня, какъ нѣкоторые считаютъ, якобы слѣпымъ поклонникомъ Д. В. Сироткина. Смѣю увѣрить васъ, что хотя немного, но во всякомъ случаѣ не менѣе Д. В., я самъ знаю и понимаю святое писаніе. Если я держусь того мнѣнія, что увольненіе епископомъ единолично, притомъ безъ согласія народа, священниковъ отъ *священнической должности навсегда есть незаконное присвоеніе самовластия, въ родѣ папизма*, то это ученіе не Д. В. Сироткина, а ученіе святыхъ соборовъ. Если и Д. В. держится такого же мнѣнія, то это хорошо.

А что про него распространяетъ слухъ владыка Иннокентій, будто онъ держится протестантскихъ и штундистскихъ взглядовъ, то это не-

вѣрно: я этого отъ Д. В. никогда не слыхалъ, а вѣрить владыкѣ въ этомъ случаѣ надо немножко погодить.

За все высказанное мною я готовъ объясниться черезъ посредство печати съ кѣмъ угодно. Пусть защитники епископскаго самовластия докажутъ мнѣ законность проповѣди епископа Иннокентія, что *епископъ имѣетъ право и власть единолично увольнять священника отъ священнической должности навсегда?*

Твердо надѣюсь, что вы оцѣните по достоинству все сказанное мною, ибо вы и сами видали и видите кое-что въ жизни. Переносили и сейчасъ переносите искушенія и напасти, хорошо знаете цѣну терпѣнія. А „самъ искушенъ бывъ, можетъ и напаствованнымъ помощи“, сказалъ проповѣдникъ истины.

Посему я надѣюсь, что вы дадите мѣсто въ вашемъ уважаемомъ журналѣ моимъ статьямъ; а это для меня будетъ величайшимъ утѣшеніемъ. „И то врачуешь отъ скорби, если и воздуху передать слово“, говоритъ вселенскій учитель Григорій Богословъ (часть VI, стр. 67) *).

Глубоко сочувствую, дорогой Н. Д., вашему новому, великому искушенію и прошу извинить мнѣ, что я, по дальности пути (о чемъ я и самъ сожалею), не могъ уплатить вамъ достойный долгъ, т.-е. не могъ посѣтить васъ въ темницѣ, какъ посѣщали вы меня когда-то. Но прошу Господа Бога даровать вамъ терпѣніе въ искушеніяхъ и напастяхъ.

Итакъ, призываю на васъ миръ и Божіе благословеніе

Старообрядческій протоіерей А. Старковъ.

По поводу статьи еп. Иннокентія „О соборахъ“.

Кажется цѣль и стремленія епископа Иннокентія стали всѣмъ извѣстны, поэтому доказывать о правахъ мірянъ и преимуществахъ тѣхъ соборовъ, которые съ участіемъ мірянъ, мнѣ представляется излишнимъ, при томъ надѣюсь, что, вѣроятно, найдутся желающіе высказаться въ защиту правды и кромѣ меня. Но я считаю нужнымъ замѣтить только слѣдующее: во-первыхъ, епископъ Иннокентій невѣрно передаетъ исторію нашихъ соборовъ, будто съ 1905 года, до самаго послѣдняго собора, на каждыя соборъ архіепископъ приглашалъ священниковъ и мірянъ. Это невѣрно. Я всегда былъ во время соборовъ и знаю, что соборъ 1906 года въ апрѣлѣ

*) Мы, конечно, понимаемъ душевное состояніе человѣка, о которомъ говорятъ и пишутъ, а онъ самъ лишенъ возможности высказаться. Но просьба о. Алексѣя излишня. Если мы что и не помѣщаемъ въ журналѣ, то лишь изъ-за недостатка мѣста въ журналѣ, да и то лишь такое, что не имѣетъ рѣшительно никакой важности или общественнаго интереса. Статьи же о. Алексѣя, лишь недавно къ намъ попавшія, уже напечатаны, или же набраны и лишь ждутъ своей очереди.

мѣсяцѣ былъ безъ мірянъ, и священниковъ было немного, только по одному пріѣхали съ епископомъ и не были членами собора. Въ 1907 году были высланы съ собора не только міряне, но и всѣ священники: какъ только отмолились молебень, архіепископъ сказалъ, чтобы удалились всѣ, остались бы одни епископы. Только кажется оставленъ былъ одинъ о. А. Калягинъ при епископѣ Іоасафѣ. Мнѣ было очень нежелательно выходить, я осмѣлился прижаться за столбомъ, чтобы не выслали. Епископъ Иннокентій, подойдя ко мнѣ, послалъ меня принести ему съ квартиры его портфель. Когда я принесъ и отдалъ портфель владыкѣ и хотѣлъ удалиться опять за столбъ, въ это время архіепископъ сказалъ мнѣ: „Можешь, о. А., посидѣть здѣсь“. Благодаря этому портфелю я и удостоился безбоязненно быть зрителемъ собора. Въ 1908 году, всѣмъ извѣстно, соборъ созывался незаконнымъ путемъ, что и было своевременно опротестовано московскимъ братствомъ, и только благодаря этому протесту и были допущены всѣ пріѣхавшіе священники и міряне. Быть-можетъ, нѣкоторымъ читателямъ покажется страннымъ и невѣроятнымъ, чтобы епископъ написалъ неправду. Но у епископа Иннокентія это не единственный случай. Объясняя изданное имъ недавно „руководство“, онъ пишетъ: „настоящее руководство“ было рассматриваемо на нѣсколькихъ епархіальныхъ сѣздахъ, которые дѣлали свои замѣчанія и поправки“. Но мнѣ хорошо извѣстно, что это пропитанное папизмомъ „руководство“ не было рассматриваемо ни на одномъ сѣздѣ. Чтобы подтвердить это, я приведу слѣдующій неопровержимый фактъ:

Копія.

Очередному епархіальному сѣзду нижегородской епархіи

Комиссіи по написанію правилъ внутренняго распорядка приходовъ

ДОКЛАДЪ.

На прошломъ епархіальномъ сѣздѣ 1909 года была избрана комиссія для выработки правилъ внутренняго распорядка приходовъ нижегородско-костромской епархіи, въ которую вошли: епископъ Иннокентій, свящ. о. Григорій Спиринъ, о. Григорій Лакомкинъ и о. Кирикъ Мушининъ.

Во исполненіе этого комиссія написала таковыя правила, но пока не въ окончательной редакціи, а лишь вчернѣ, которыя и предлагаетъ на разсмотрѣніе настоящаго сѣзда. *)

Епископъ *Иннокентій*. Священникъ *Григорій Лакомкинъ*.
21 сентября 1910 года.

*) См. брошюру очередной епархіальный сѣздъ нижегородской епархіи 1910 г. стр. 16.

Значить, на послѣднемъ сѣздѣ—и то былъ только черновикъ, а епископъ Иннокентій заявляетъ въ печати, что „положеніе“ разсматривалось на нѣсколькихъ сѣздахъ. Какъ же разсматривалось не существующее? Во-вторыхъ, епископъ Иннокентій въ статьѣ „о соборахъ“ пишетъ, что „послѣдній соборъ постановилъ: приглашать на соборъ по два священника и по два мірянина отъ епархіи“. Но съ этимъ постановленіемъ многіе члены собора были не согласны. Ибо многіе, въ особенности священники, заявляли, чтобы приглашать и представителей отъ всероссійскаго сѣзда и отъ братствъ. Но намъ, священникамъ, не давали по этому вопросу говорить свободно архіепископъ и епископъ Иннокентій. Почему мы были вынуждены написать слѣдующее заявленіе:

Копія.

Освященному старообрядческому собору во градѣ Москвѣ

Нижеподписавшихся членовъ
собора

З А Я В Л Е Н І Е.

На соборѣ дважды возбуждался вопросъ о допущеніи на соборъ представителей отъ всероссійскихъ сѣздовъ и отъ братствъ. Вопросъ рѣшенъ въ смыслѣ отрицательномъ. Намъ, членамъ собора, даже не давали свободно высказаться по этому вопросу. Посему и вынуждены заявить освященному собору, что мы остаемся при особомъ мнѣніи по данному вопросу.

Особое наше мнѣніе, если успѣемъ, то представимъ въ засѣданіе настоящаго собора, если же не успѣемъ, то оно будетъ отпечатано въ журналѣ „Церковь“. 28 августа 1910 года.

Члены собора: Протоіерей *Алексѣй Старковъ*. Іерей *Иларіонъ Ароновъ*. Іерей *Д. Смирновъ*.

Согласенъ съ вышеизложеннымъ. Я считаю нужнымъ добавить: приглашать на соборъ священниковъ и мірянъ, не ограничивая числа, а лишь только были бы законно уполномочены отъ приходовъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса. Священникъ Григорій Лакомкинъ.

Сосласно о. Григорія говорилъ и братъ его о. Георгій, теперь владыка Геннадій Донской.

Мало подписей подъ этимъ заявленіемъ вотъ почему: только что успѣли написать его, и не успѣли нѣкоторые подписаться, какъ пришелъ одинъ священникъ и мнѣ сказалъ: „На тебя епископы смотрятъ серьезно за докладъ, поданный на соборъ. Если же еще подашь это заявленіе, то тебя лишатъ сана“. И онъ просилъ меня не подавать. Посему „ради страха іудейска“ я и не подалъ это заявленіе, и подлинное хранится у меня. Но хотя оно и не подано, однако доказываетъ, что съ постановленіемъ собора не всѣ члены были согласны.

Старообрядческій протоіерей *Алексѣй Старковъ*.